

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП ВсОШ ПО ЛИТЕРАТУРЕ – 2023/2024
10 КЛАСС

Методические рекомендации

1. АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Выберите поэтический ИЛИ прозаический текст, напишите литературоведческое исследование, опираясь на вопросы.

1.1. Внимательно прочитайте стихотворение Давида Самойлова «Давай поедem в город...». Как природный мир связан с чувствами лирического героя? Каким символическим смыслом наделен образ осени? Опираясь на вопросы, уместно используя литературоведческие понятия и термины, напишите литературоведческое исследование.

Давид Самойлов

***

Давай поедem в город,
Где мы с тобой бывали.
Года, как чемоданы,
Оставим на вокзале.

Года пускай хранятся,
А нам храниться поздно.
Нам будет чуть печально,
Но бодро и морозно.

Уже дозрела осень
До синего налива.
Дым, облако и птица
Летят неторопливо.

Ждут снега, листопады
Недавно отшуршали.
Огромно и просторно
В осеннем полушарье.

И все, что было зыбко,
Растрепанно и розно,
Мороз скрепил слюною,
Как ласточкины гнезда.

И вот ноябрь на свете,
Огромный, просветленный.
И кажется, что город
Стоит ненаселенный, —

Так много сверху неба,
Садов и гнезд вороньих,
Что и не замечаешь
Людей, как посторонних...

О, как я поздно понял,
Зачем я существую,
Зачем гоняет сердце
По жилам кровь живую,

И что, порой, напрасно
Давал страстям улечься,
И что нельзя беречься,
И что нельзя беречься...

1963

Давид Самойлов (1920 - 1990) – русский советский поэт переводчик, один из крупнейших представителей поэтов-шестидесятников.

1.2 Внимательно прочитайте Рассказ Ирины Лукьяновой «Эффект иризации». Как связаны друг с другом имя героини и название рассказа? Каким свойством наделено зрение главной героини? На какой античный миф опирается автор? Опираясь на вопросы, уместно используя литературоведческие понятия и термины, напишите литературоведческое исследование.

Ирина Лукьянова Эффект иризации

– Ирка-дырка, – заорал он.
– Ирка-дырка, Ирка-дырка.
– Убью, – безнадежно подумала я. – Но меня не оправдают.
– Ирка-дырка, – подключились остальные.
Я подождала, пока они задействуют весь репертуар. Задействовали.
– Лукьяшка-обезьяшка! Их было восемь, и они радостно плясали танец дикарей вокруг меня одной.
– Я вас сейчас... – закричала я, – Я не знаю, что с вами сделаю.
– А что ты мне сделаешь, – сказал Рощупкин.
– Укушу, сказала я.
Он протянул мне руку:
– Кусай!
Я хладнокровно взяла его руку, прицелилась и прокусила ему кожу до крови.
– Психичка! – они разбежались в разные стороны.

Я шла домой и думала о том, что я не хочу быть собой. Не хочу быть маленькой – они дразнят маленьких. Не хочу быть Ирккой – они за это дразнят. Не хочу быть Лукьяновой. Я хочу быть Машей, в нашем классе нет ни одной Маши, а Ирок две, и Лукьяновых две, я и сестра, и нас все время путают с Лукьянцевым и двойняшками Лазурскими. Я хочу быть Лазурской: лазурь – это прекрасный цвет, в конце концов, сплошная лазурь и никаких обезьяшек.

Я шла из школы, пиная облезлым носком коричневого ботинка сплюсненную консервную банку. Она гремела и скакала по выбоинам серого асфальта, пока не плюхнулась в лужу. По луже среди бензиновых разводов, золотых, малиновых и синезеленых, плыли рваные облака. Я остановилась и загляделась на бензиновые разводы.

Тоненькая радужная пленка беззвучно струилась, расплывалась. Раздувались и лопались большие и маленькие круги. По луже плавала сама красота, но никто вокруг этого не понимал. Коричневая бабка у подъезда говорила другой бабке, темно-серой:

– Я домой ехала, зашла к ним, сметана есть! А я без банки, без бидона, без ничего! Пока домой за банкой ходила – прихожу, а сметаны уже нету! Ну вот как так?

За оградой детсада ходили нелепые дети – в некрасивых пальто и колготках гармошкой, в толстых рейтузах. Дети пищали и дрались, воспитательницы в стороне степенно беседовали о чем-то своем. Только одна девочка встала у забора и выпускала из-за него на улицу мыльные пузыри. Они вились чередой, легкие и вольные, переливаясь от желтого к малиновому, от зеленого к фиолетовому. Они вылетали из-за забора детсада – и уносились куда-то к балконам пятиэтажек, к голым веткам американских кленов, к лохматым облакам ноябрьского неба. Одни пузыри распадались с неслышным «пхх», теряя цвет и объем, другие терялись в бледнеющем солнечном блеске. Вчера уже шел снег. Потом он растаял, и сегодня прояснилось, но это был уже последний день перед зимой. Перед пятью месяцами сибирской зимы: ноябрь, декабрь, январь, февраль, март.

Я прошла мимо детсада, четко стуча сапогами по асфальту и вздернув нос, – всем своим видом стараясь показать, что я уже ученица второго «бэ» класса. Девочку с пузырями это совсем не впечатлило. Она просто выдула новую струйку пузырей, и они наперегонки поскакали к верхушкам кленов. Я совсем не любила быть второклассницей. Я любила быть ничейной девочкой на каникулах, бабушкиной внучкой, которая сидит в ярко-зеленой траве под яблоней и ест розово-полосатое яблоко, упавшее с грушовки. Я любила выдергивать малиновые, почти сиреневые, цветки из пушистых соцветий флоксов и обсасывать их сладкие кончики. Я любила смотреть на желтые головы золотых шаров на фоне синего неба и обрывать лепесток за лепестком золотой шар, пока от него не останется куча желтых лепестков, мал-мала меньше, и голая зеленая лысинка на стебле. Я любила смотреть на кувшинки и водяные лилии, на огромных темно-синих и тонюсеньких голубых стрекоз. Любила бабочек и мотыльков – от огромных махаонов до милых голубянок, от страшноватых шумных бражников до тихих ночных бабочек, носивших белые шубки в черный горошек. Горошек, да. Душистый горошек – белый, сиреневый, малиновый, фиолетовый. Зеленый горошек – молодой и нежный, в толстых стручках. Белый червяк в самой маленькой горошине. Лето разворачивалось в моей голове само собой, слово за словом, запах за запахом, цвет за цветом – стоит только потянуть за краешек, и оно само вылезает, пестрое, счастливое и душистое, как нарядное платье Золушки из расколотого орешка (как же мы все любили «Три орешка для Золушки!»). Вылезает, разворачивается всей своей радугой и говорит: смотри, я с тобой. Смотри, весна скоро придет.

Я пришла домой, согрела в маленькой кастрюльке борщ на плите. Малиновый, веселый, жизнерадостный борщ. Зазвонил телефон.

– Это зоопарк? Позовите, пожалуйста, обезьяшку!

– Обезьяны – приматы, и с баранами не разговаривают!

А вот кстати, надо переложить мои летние сокровища из книг и салфеток в резную шкатулочку. Синие, голубые, зеленые стеклышки с моря, обкатанные, как галька. Дохлая стрекоза-коромысло с трещащими, прозрачными крылышками («охота же пакость такую тащить», сказала мама). Золотые-зеленые, волшебные-изумрудные крылья жука бронзовки. Они переливаются, как мыльные пузыри, как павлиньи перья, как радуга, как счастье. Я знаю, что счастье – вот такого цвета. Однажды мы с папой на закате видели такие облака. Они были ярко-белые, а по краям цветные – радужные. «Это иризация», – сказал папа. А дома показал, как из призмы получить радугу. В роли призмы бабушкина треугольная настольная статуэтка с резной Спасской башней.

Из папы я за прогулку вытянула что могла, а дальше у меня была Детская энциклопедия в десяти томах и Советская энциклопедия в тридцати с чем-то. Уроки я делала быстро. Оказалось, что счастье – это физический эффект. Один и тот же для всех:

для радуги в небе, для крыльев тропических бабочек и золотых жуков, для бензиновых разводов на луже и мыльных пузырей, для облаков и маминых бисерных бус. Мне стало скучно. Так скучно, как будто ты спрашиваешь фею-крестную, можно ли тебе поехать на бал, а она отвечает, что существовавшая в великосветском обществе традиция балов окончательно прервалась в 1917 году, и хотя с тех пор неоднократно предпринимались попытки ее возобновления, считать их удачными вряд ли возможно.

– Эх ты, счастье, – говорила я ему, разглядывая пену на губке, когда мыла посуду. – Тебя нет, ты просто физический эффект.

Энциклопедия рассказывала, что Ирис, или Ирида, – это богиня радуги, а цветок ирис назван в ее честь, а эффект иризации, или иридисценции, наблюдается у некоторых минералов: например, лабрадорита и опала.

Надвигалась сибирская зима: белый снег, серое небо, черные ветки. Черные заводские трубы, серые дома, серый снег. Черный снег, черная дорога, черное небо.

– Иризируй! – смеялась надо мной пена в ванной.

– Иризируй! – говорили пуговицы на мамином платье, переливаясь павлиньим хвостом.

Мир смотрел на меня радужными глазами лабрадорита. Скоро пошел снег, но снежинки мигали опаловыми огнями. Наступил новый год, и он таинственно моргал цветными гирляндами и отражался в цветных зеркальных боках елочных шаров. Начался февраль, но он оказался полон белых кружевных бабочек на фиолетовом небе. А март выкатил мне навстречу голубые тени – глубоко голубые, как айсберги у берегов Антарктиды. Я видела в энциклопедии. А потом пришла весна – и тоненькие штрихи зеленой травки на жирной черной земле вдоль теплотрассы у детсадовского забора. И желтенькая мать-и-мачеха на пригорке. А потом уже – во весь цвет, во всю ширь, во всю радугу: весна, весна. А значит, дожили, значит, скоро лето, скоро бабушка, скоро счастье.

– Лукьяшка, Лукьяшка, Лукьяшка-обезьяшка! – кричит Рошупкин.

– Рошупкин, – говорю я, – смотри, там радуга. Вон там – видишь?

Я иризирую пространство. Я превращаю все в Ир: в радужные, веселые, нестойкие контуры. Нет, я знаю, эффекта надолго не хватит. Но я еще не выяснила, отчего так волшебны золотые звезды на фиолетовых мантиях волшебников в книжках и белые душистые цветы на темно-зеленой листве поздним вечером в парке, как устроены стрекозиные крылья и паутины, как сделаны китайские веера из шелка и перламутра, почему запах чабреца выворачивает душу наизнанку, почему мне хочется плакать, когда я вижу малиновую луговую гвоздичку-«часики», отчего так печальна кукушка, чем отличаются песни кузнечиков, сверчков и цикад, о чем говорит море в маленькой серой рапане – и о чем в большой полированной розовой раковине с рогами, если поднести ее к уху. Мне еще есть о чем поспрашивать мир и Большую советскую энциклопедию.

Ирина Лукьянова (род. 1961 г.) – современная российская писательница, журналистка, переводчица.

Методические рекомендации по оцениванию работ

Направления для анализа, предложенные школьникам, не обязательны для прямого ответа; их назначение – лишь в том, чтобы направить внимание на существенные особенности проблематики и поэтики текста. Если ученик выбрал собственный путь анализа – он имел на это право, и оценивать надо работу в целом, а не наличие в ней ответов на спорные вопросы.

При анализе стихотворения Давида Самойлова «Давай поедem в город...» участники олимпиады могут обратиться к следующим темам и сюжетам:

- Описываемая лирическим героем поездка в осенний город – поездка в прошлое.
- В начале стихотворения лирический герой обращается к собеседнику (читателю) с призывом поехать в город. Однако далее лирический герой остается один, и это одиночество необходимо для того, чтобы переосмыслить свою жизнь. Важно, что в финальных строфах субъектная форма «Мы» («мы с тобой», «нам будет») уступает место субъектной форме «Я».
- В стихотворении изображен осенний пейзаж – переходное (предзимнее) ноябрьское время. В тексте актуализировано вертикальное пространство («дым, облако и птица», «ласточкины гнезда», «так много сверху неба, / садов и гнезд вороньих»). Открывшийся герою небесный мир подготавливает финальное прозрение.
- В стихотворении отсутствует ожидаемый урбанистический пейзаж, описание города подменяется описанием бесконечно открытого природного мира. Художественное пространство предельно расширено, автор рисует не осенний город, а «осеннее полушарие».
- Поздняя осень становится олицетворением прожитой жизни – в стихотворении речь идет о зрелых годах («года, как чемоданы, оставим на вокзале»), необходимости встречи с прошлым и переосмыслении настоящего.
- Безмятный город предстает как пространство абсолютной пустоты, в пустоте ноябрьского города лирический герой постигает высший смысл земного существования, иное метафизическое измерение человеческой жизни.
- Стихотворение Давида Самойлова вписывается в пушкинскую традицию благословения осени. Безрадостный пустынный пейзаж возвращает человека к собственной сути. Данный текст может быть соотнесен и со стихотворением О. Мандельштама «Давай поедem в Царское Село», в котором поездка в Царское Село также оказывается путешествием в прошлое. Если лирический герой Мандельштама осознает невозможность возвращения, то для лирического героя Самойлова подобная поездка возможна.

При анализе рассказы Ирины Лукьяновой «Эффект иризации» участники олимпиады могут обратиться к следующим темам и сюжетам.

- Основная тема рассказа – тема детства, причастного «тайнам» бытия и «чудесам» мира.
- Рассказ ведется от первого лица – второклассницы Иры, которая остро переживает свое одиночество и свою непохожесть на других.
- Название рассказа несет двойную функцию: с одной стороны, оно связано с научным термином – оптическим эффектом, распространенным в природе, с другой – с именем главной героини.
- «Эффект иризации» – своеобразная метафора, речь идет о способности героини видеть игру света и цвета в самых обычных явлениях и предметах. Не случайно, ведущим в тексте оказывается колористический сюжет. Автор использует многочисленные цветовые обозначения, чтобы подчеркнуть первоначальную красоту мира (фиолетовый, синий, золотой, малиновый, сиреневый, темно-зеленый, золотые-зеленые, волшебные-изумрудные и т.д.). Автор показывает, что зрение ребенка наделено способностью видеть тайны, скрывающиеся под привычными явлениями.

- Прием «остранения» (В. Шкловский) является в тексте ведущим: мир увиден как бы впервые и по-новому. Главная героиня рассказа – созерцатель, под взглядом Иры выявляется божественная сущность мира, созданного Творцом.
- Важную роль в рассказе несет описание бабушкиного летнего сада, о котором вспоминает Ира. Детство связывается автором с Эдемом, который безвозвратно утрачен взрослыми. Героиня эту связь еще не утратила, не случайно она постоянно вспоминает о лете, ждет его возвращения и хранит в шкатулочке «летние сокровища» (дохлая стрекоза, жук-бронзовка).
- И. Лукьянова противопоставляет мир взрослых и мир ребенка. Если героиня способна увидеть красоту даже в самой обыкновенной луже («По луже плавала сама красота, но никто вокруг этого не понимал»), то рядом стоящие взрослые не видят радужных пузырей и ведут бытовые разговоры. Именно папа рассказывает Ире об «эффекте иризации», пытаясь научно объяснить красоту горящих облаков. Мир взрослого – мир ответов, мир ребенка – мир бесконечных вопросов. В финале рассказа возникает ряд новых вопросов, которые задает Ира. По мнению автора, человек остается ребенком до тех пор, пока он вопрошает мир («Мне еще есть о чем поспрашивать мир и Большую советскую энциклопедию»).

Критерии оценивания аналитического задания

С целью снижения субъективности при оценивании работ предлагается ориентироваться на ту шкалу оценок, которая прилагается к каждому критерию. Она соответствует привычной для российского учителя четырёхбалльной системе: первая оценка – условная «двойка», вторая – условная «тройка», третья – условная «четвёрка», четвёртая – условная «пятерка». Баллы, находящиеся между оценками, соответствуют условным «плюсам» и «минусам» в традиционной школьной системе.

Пример использования шкалы.

При оценивании работы по первому критерию ученик в целом понимает текст, толкует его адекватно, делает верные наблюдения, но часть смыслов упускает, не все яркие моменты подчёркивает. Работа по этому критерию в целом выглядит как «четвёрка с минусом». В системе оценок по критерию «четвёрке» соответствует 20 баллов, «тройке» 10 баллов. Соответственно, оценка выбирается проверяющим по шкале из 16 - 19 баллов. Такое «сужение» зоны выбора и введение пограничных оценок - «зарубок», ориентированных на привычную модель оценивания, поможет избежать излишних расхождений в таком субъективно м процессе, как оценивание письменных текстов.

Оценка за работу выставляется сначала в виде последовательности цифр оценок по каждому критерию (ученик должен видеть, сколько баллов по каждому критерию он набрал), а затем в виде итоговой суммы баллов. Это позволит на этапе показа работ и апелляции сфокусироваться на обсуждении реальных плюсов и минусов работы.

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, с учетом жанровых особенностей, через конкретные наблюдения, сделанные по тексту.

Максимально **35** баллов. Шкала оценок: 0 – 15 – 25 – 35

2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту произведения.

Максимально **10** баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы.

Максимально **5** баллов. Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы.

Максимально **5** баллов. Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5

5. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие речевых и грамматических ошибок).

Примечание 1: сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности

с полным подсчётом ошибок не предусматривается.

Примечание 2: при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трёх ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов.

Максимально **5** баллов. Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5

Итого: максимальный балл – 60 баллов

2. ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Вам предложили принять участие в литературном ретро-конкурсе «Русская романтическая повесть». Придумайте название для своей повести. Какими картинками художников Вы проиллюстрируете свой текст? Напишите фрагмент, включающий пейзажную зарисовку.

Примерный объем текста – не менее 200 слов.

Задание должно выявить творческие способности школьника, умение создавать разные по жанру и стилю тексты, готовность решать нестандартные (с точки зрения школьного обучения) филологические задачи, выступать в роли редактора, журналиста, писателя, рецензента, блогера, комментатора, учёного и в других ролях, требующих филологической подготовки, широкого литературного и культурного кругозора, языкового чутья и художественного вкуса.

Критерии оценивания творческого задания

Максимальное количество баллов – 40.

1. Название повести – 3 балла.

Название должно быть оригинальным, привлекающим будущих читателей.

Шкала оценок: 0 – 1 – 2 – 3

2. Знание жанровых особенностей романтической повести, в том числе и особенностей «романтического пейзажа» – 16 баллов.

Шкала оценок: 0 – 6 – 12 – 16

3. Стилистическое соответствие поставленной задаче – 10 баллов.

Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10

4. За каждую уместно приведенную картину (имя художника – название картины) – по 2 балла, но не более 6.

Шкала оценок: 0 – 2 – 4 – 6

5. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие речевых и грамматических ошибок) – 5 баллов.

Примечание 1: сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчётом ошибок не предусматривается.

Примечание 2: при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трёх ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов.

Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5

ВРЕМЯ ВЫПОЛНЕНИЯ – 270 МИНУТ